

(2)

ОН ЖИЛ, ТОЛЬКО ЧТОБЫ ПИТЬ

«Мне читали проповеди, меня изучали, ругали, консультировали, но никто ни разу не сказал: «Я понимаю, что с тобой происходит. Я тоже это испытал, и вот что мне помогло».

Бросая взгляд на свое прошлое, я не вижу ничего, что предвещало бы то опустошение, которое алкоголь позже внес в мою жизнь и жизнь моей семьи. Насколько мы помним, среди наших родственников не было пьяниц – ни с той, ни с другой стороны. Мы приходим из старой ветви миссионеров-баптистов Юга. Мой отец был священником, и каждое воскресенье я ходил в его церковь вместе с остальными членами семьи и, как и они, весьма активно участвовал в церковной работе. Кроме того, мои родители трудились в сфере образования; отец был директором школы, в которую я ходил, а мать там преподавала. Оба они были очень уважаемыми людьми. Мы все заботились друг о друге и были близки. С нами жила моя бабушка со стороны матери, глубоко верующая женщина, которая помогала меня воспитывать; она была живым примером безусловной любви.

Мне с детства внушали, как велика ценность морали и образования. Меня учили: если ты образован и высокоморален, то ничто не мешает тебе достичь успеха как в земной жизни, так и в иной. Я был просто евангелическим ребенком и юношей – буквально опьяненным собственным рвением в области морали и интеллектуальными амбициями. Я превосходно учился и мечтал стать преподавателем и помогать другим.

Впервые я по-настоящему выпил, только когда был уже взрослым и жил вдали от своей семьи, занимаясь диплом-

ной работой в одном престижном университете на восточном побережье. До этого я пробовал пиво и немного вина, но уже давно решил, что фруктовый сок вкуснее. В баре я никогда не бывал. Но как-то вечером товарищи уговорили меня пойти с ними в местную закусочную. Я был просто очарован. До сих пор помню это тускло освещенное, наполненное дымом помещение, приглушенные голоса, позвякивание льда в стаканах. Сама изысканность! Но лучше всего мне запомнилось ощущение от первого глотка виски, когда по всему моему телу разлилось тепло.

В тот вечер я пил так много, что никто не верил, что у меня нет богатого опыта общения с алкоголем. При этом я не пьянел, хотя на следующий день не помнил некоторых моментов. Но важнее всего было то, что благодаря выпивке я почувствовал себя «своим». Вся Вселенная стала моим домом, и мне было уютно среди людей. В детстве, несмотря на мою активность в церкви и школе, мне никогда не было действительно комфортно. На деле, в обществе я очень нервничал, чувствовал себя неуверенно и большую часть времени заставлял себя быть общительным, как родители, потому что считал это своей обязанностью. Но этот вечер в баре не был похож ни на одно другое мероприятие в моей жизни. Я не только ощущал абсолютную свободу, но и действительно любил всех незнакомцев вокруг меня, а они, как я думал, любили меня в ответ, и все благодаря этому волшебному зелью — алкоголю. Какое открытие! Какое откровение!

В следующем году я начал учительствовать. Моим первым местом работы стал колледж, находившийся за пятьдесят миль от моего родного города. Однако учебный год не успел закончиться, а меня уже уволили из-за того, что я слишком много пил. За этот короткий промежуток времени пьянство стало для меня образом жизни. Я любил выпивку.

Любил людей, которые пили, и места, где они пили. В этот период, невзирая на то, что я потерял первую же работу и скомпрометировал свою семью, мне и в голову не приходило, что алкоголь может быть для меня проблемой. После того самого вечера год назад я принял твердое решение, которому суждено было направлять мою жизнь на протяжении многих последующих лет: алкоголь – мой друг, и я пойду за ним на край света.

Вылетев из того колледжа, я много еще куда устраивался, но меня снова увольняли, и все из-за моего пьянства. Я преподавал в разнообразных школах, в разных штатах. Я больше не был высокоморальным молодым человеком, видящим свое предназначение в том, чтобы помогать людям жить лучше. Я стал шумным, высокомерным, раздражительным, жестким и вечно винил во всем других и искал ссоры. Меня арестовывали, избивали. Я начал сквернословить и часто появлялся в пьяном виде на занятиях и в общественных местах. В итоге моя карьера преподавателя окончилась полным бесчестьем. Мои родные не понимали, что со мной происходит – впрочем, как и я сам. В моменты просветления меня переполняли стыд, вина и раскаяние. Все те, кто раньше в меня верили, были в замешательстве относительно меня. Для остальных же я был объектом для шуток. Я хотел умереть. У меня остался лишь один друг – алкоголь.

В конце концов, я попал в психиатрическую лечебницу, что, вероятно, и спасло мне жизнь. Я не помню, как там оказался, но знаю, что у меня проявлялись суицидальные наклонности. Там я чувствовал себя комфортно, и через несколько месяцев, когда меня выписали, плакал. К тому времени я уже понял, что не смогу выжить за пределами больницы. За зарешеченными окнами я был в безопасности и хотел провести здесь остаток своей жизни. Здесь нельзя было

пить, зато в изобилии имелись транквилизаторы и другие наркотики, и я перебивался на них. При мне ни разу не употребили слово «алкоголик». Думаю, врачи этой лечебницы знали об алкоголизме немногим больше меня.

Выйдя оттуда, я переехал в большой город, чтобы начать все сначала. Моя жизнь превратилась в череду таких новых начинаний. Я опять начал пить, устраиваться на хорошие места и терять их – все, как и раньше. На меня с удесyтеренной силой набросились страх, угрызения совести и жуткая депрессия. Тем не менее, я не осознавал, что причиной всех этих несчастий может быть алкоголь. Я продавал свою кровь, занимался проституцией и пил еще больше. Я стал вести жизнь бездомного бродяги и спать на автобусных остановках и железнодорожных станциях. Я подбирал с тротуара сигаретные окурки и пил вместе с другими пьяницами прямо из общей бутылки. Так я заслужил право жить в муниципальном приюте, и он стал моим домом. Я попрошайничал. Теперь я жил только для того, чтобы пить. Я не купался, не менял одежду; от меня воняло; я исхудал и страдал кучей недугов; я начал слышать голоса и принимал их за признак приближающейся смерти. Я был напуган, дерзок, зол и обижен на человечество, Бога и всю Вселенную. Мне больше незачем было жить, но я боялся умирать.

Именно в этот момент моей жизни одна женщина, которая была социальным работником и трезвым членом сообществ Анонимных Алкоголиков, пригласила меня в свой кабинет и рассказала свою историю – о том, как она пила, что случилось потом, и как она обрела трезвость. До нее ни один человек не говорил со мной так. Мне читали проповеди, меня изучали, ругали, консультировали, но никто, ни разу не сказал: «Я понимаю, что с тобой происходит. Я тоже это испытал, и вот что мне помогло». В тот же вечер она отвела меня на мое первое собрание АА.

На этих собраниях ко мне относились с большой добротой, и я перестал пить. Но мою душу терзали демоны воздержания. Я был черным, а эти люди – белыми. Что они могут знать о страдании? Чему они могут меня научить? Я был черным и умным, и потому мир целенаправленно отвергал меня. И я ненавидел его, живущих в нем людей и карающего Бога. Однако я верил в искренность членов АА и видел, что для них эта программа работает. Просто я не верил, что она поможет мне, чернокожему пьянице.

Я очень долго с неподдельной убежденностью полагал, что отличаюсь от остальных. Пока не испытал то, что, как я теперь понимаю, было моим первым духовным пробуждением: осознал, что я – алкоголик и мне просто не нужно пить! Кроме того, до меня дошло, что алкоголизм, будучи болезнью равных возможностей, не признает никакой дискриминации – он не привязан к определенной расе, вероисповеданию или месту жительства. Я наконец-таки освободился от ярма собственной уникальности.

В начальный период своей трезвости мне приходилось продолжать жить в приюте для бездомных, полном активно пьющих людей. Воздерживаясь от спиртного, я стал остро воспринимать то, что меня окружает – отвратительные запахи, шум, враждебность, физическая угроза. Когда я задумывался о том, что разрушил собственную карьеру, опозорил своих родных, заставил их отвернуться от себя и опустился до самого убогого из заведений, мои обиды и гнев вспыхивали с новой силой. Но при этом я понимал, что этот пожар толкает меня к бутылке и последующей смерти. И я осознал, что мне необходимо отделить свою трезвость от всего остального в жизни. Что бы ни случилось, мне не нужно пить. В действительности ни одна из тех вещей, через которые я вынужден был пройти, никак не была связана с трезвостью. Течение жизни непрерывно, и в ней бывает

всякое; я не могу позволить своей трезвости зависеть от перипетий судьбы. Трезвость должна жить собственной жизнью.

Что еще более важно, я пришел к убеждению, что не могу выжить в одиночку. С самого детства, несмотря на всю любовь, которую мне дарили, я никогда не впускал в свою жизнь других людей, даже самых близких. Я все время жил во лжи, самой большой из всех, не делаясь своими истинными мыслями и чувствами ни с кем. Я думал, что могу напрямую контактировать с Богом, и выстроил вокруг себя стену недоверия. В АА я столкнулся с всеобъемлющим понятием «мы» из Двенадцати Шагов и постепенно осознал, что смогу отделять свою трезвость от всего остального и защищать ее от опасности извне, только если положусь на опыт трезвости других членов АА и буду выполнять программу вместе с ними.

Трезвость приносит обильные плоды и прогрессирует, подобно той болезни, которой противостоит. Среди ее даров я определенно могу назвать освобождение из тюрьмы собственной уникальности и осознание того, что вести предлагаемый АА образ жизни – это благословение и неопенимая привилегия. Благословение жить жизнью, свободной от боли, алкогольной деградации и наполненной радостью полезного, трезвого существования, и привилегия день за днем расти в своей трезвости и нести людям послание надежды, как принесли его мне.